

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1 (91)

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-189-200

М. Н. Вольф

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

rina.volf@gmail.com

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ КАК МОДУС АНАЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Понятия истории философии, историографии философии или истории философии, а также философии истории философии нередко оказываются взаимозаменяемыми. В аналитической традиции историография истории философии имеет свою специфику. Возникшая на почве аналитической философии как рефлексия о ее значении и вкладе в философию, она пересматривает ее аисторические установки в подходе к философии и ее истории в пользу апроприационизма. Благодаря последнему историография конструирует доктрины и ставит значимость философов в прямую зависимость от их публичной репрезентации, сама оставаясь при этом слишком философичной и аисторичной. На первый взгляд преодолеть эти затруднения помогают контекстуализм и континентальный диалектический подход, однако они также подвержены апроприационистской историографии. На этом основании делается вывод о том, что апроприационистскую историографию можно признать одним из модусов существования истории философии.

Ключевые слова: история философия, методология, историография истории философии, подходы, историцизм, контекстуализм, апроприационизм, контекст, аналитическая философия, континентальная философия.

Каждый новый этап развития науки и культуры, и в их рамках – философии, требовал своей собственной концепции истории философии, что легко проследить на историческом материале [Вольф, 2017. С. 238–240]. Можно отнести начало написания истории философии к Аристотелю и Теофрасту. С эпохи Ренессанса и вплоть до XVII в. сменяют друг друга различные историко-философские традиции – *prisca theologia*, *perennis philosophia*, *historia philosophica*, воплотившие в себе различные формы и подходы к написанию истории философии.

фии. Знание об этих проектах сегодня доступно только узким специалистам, тогда как историко-философские проекты XIX и начала XX в. хорошо известны широкому российскому читателю, как и историко-философские проекты Гегеля, Ясперса, Лосева, Рассела и др. Зачастую такая ситуация создает иллюзию актуальности и современности этих проектов, подкрепляемую ощущением «завершенности» истории философии, неизбежным в контексте распространения концепции «конца философии», и слабым доступом (а возможно, и интересом) к тому, что действительно происходит в дисциплине.

Однако существенные изменения, которые претерпела философия в течение XX в., потребовали и новых средств, способов изучения ее истории, переосмысления методов и подходов к постановке и решению историко-философских задач и оформления новых эффективных путей развития истории философии вплоть до серьезных сомнений в необходимости самого историко-философского знания и автономного существования этой дисциплины. В англо-американской истории философии дискуссии о задачах и методах современной истории философии стали активно обсуждаться начиная с 80-х гг.

В сегодняшней литературе принято различать историю философии¹, историографию философии или истории философии и философию истории философии, нередко эти понятия используются как взаимозаменяемые, однако правильнее было бы корректно различать их специфические значения. Если история философии может быть представлена в этом ряду дисциплин как «доксография» – простой пересказ мнений, взглядов какого-либо философа, то две последние имеют непосредственное отношение к осмыслению того, для чего и, главное, каким образом, с какой целью и для какой аудитории эти взгляды должны быть предъявлены.

Значительные дискуссии об истории философии развернулись в рамках аналитической традиции во 2-й половине XX в. Здесь вопрос ставится в первую очередь в отношении самоценности истории философии как продукта исследовательской деятельности историков философии, необходимости ее существования как самостоятельной дисциплины: почему осмысление истории предмета оказывается столь же значимым, как и сам предмет, и есть ли тогда прогресс

¹ Когда мы говорим об истории философии в данной статье, мы имеем в виду результат осмысления деятельности философов, их творчества. Разумеется, существует сам объективный процесс развития философской мысли, независимый от его последующего выражения или представления доксографами, но о нем говорить здесь мы не будем.

в философии, а если есть прогресс, то как прошлое знание может быть столь же актуальным, как и настоящее? [Ayers, 1985. P. 27]. Философия и ее история в этих дискуссиях оцениваются по аналогии с точными и естественными науками, которые вполне комфортно существуют без тесной связи со своим прошлым, и вопрос ставится достаточно жестко – если философия претендует на наличие прогресса, на то, чтобы выступать в качестве науки, ей придется пересмотреть свои отношения с прошлым. Такая постановка вопроса будет определять специфику англо-американской историографии (истории) философии².

В 1977 г. «American Philosophical Association» провела симпозиум по философии и историографии, на котором обсуждалась проблема разграничения сферы истории философии на так называемую внутреннюю и внешнюю историю в силу взаимосвязи мысли прошлого и современных интеллектуальных практик, осознания важности контекста. Фактически это положило начало новому течению в истории философии, получившему название «appropriationism» (осовременивание) или проблемно-ориентированная история философии, противопоставляемая контекстуализму. Своего рода программным заявлением этого направления стала книга «Philosophy in History» [1984]³. Она написана по итогам серии лекций по философии в исто-

² В исторической науке историографией называют критический или рефлексивный обзор исследований, посвященных какой-либо теме или исторической эпохе. Направивается и аналогичное толкование историографии философии как собственной истории истории философии. В частности, подробное рассмотрение такого подхода излагается в статье [Звиревич, 2012. С. 167], включая подробный раздел о советской историографии философии.

Общая схема, которую предлагает В. Т. Звиревич, для историографии выглядит следующим образом: «Представим объект историографии в виде, например, такой цепочки: Демокрит и Эпикур – философы; К. Маркс, написавший диссертацию о различии их натурфилософских воззрений, – историк философии; А. Г. Тихолаз, написавший, в свою очередь, диссертацию “Карл Маркс как историк античной философии”..., – уже историограф» [Там же. С. 167]. Однако Звиревич делает верную оговорку – историография истории философии определяет роль и вклад «того или иного историка философии или историко-философской школы в развитие и совершенствование наших представлений о философии прошлого и современности» [Там же]. От англо-американской трактовки историографии философии его отделяет только один шаг, о котором мы подробнее скажем ниже: историограф не просто определяет вклад философа в развитие философии, он его *конструирует* и мифологизирует. Кроме того, Звиревич называет историографию вспомогательной историко-философской дисциплиной, тогда как для аналитической традиции – это вполне самостоятельный модус существования истории философии.

³ На русский язык переведены следующие статьи из этой книги (перечислены в порядке расположения в сборнике): [Тэйлор, 2001; Рорти, 2001; Скиннер, 2013].

рии в Университете Джонса Хопкинса в 1982–1983 гг. Книга получила невероятный резонанс в западном философском сообществе, хотя скорее всего он был вызван повышенным интересом не к истории философии, а к таким ярким фигурам, как Ричард Рорти, Квентин Скиннер, Аласдер Макинтайр, Майкл Айерс и Чарльз Тейлор, и все возрастающим влиянием их идей на интеллектуальное сообщество. Книга не могла остаться незамеченной. Более того, она написана в тот сложный период, когда философы, воспитанные на аналитической традиции, начинают рефлексировать о ее значении и вкладе в философию и с удивлением обнаруживают, что, представляя себя как кульминацию интеллектуальной философской деятельности, аналитические философы предпочли вести диалог исключительно с точной наукой, оставив далеко в стороне гуманитарные науки и культуру, что поставило их в полную изоляцию от актуальных живых проблем повседневной жизни, которые продолжали формулироваться в том же виде, какими их увидели философы прошлого, хотя для аналитиков эти проблемы представлялись уже решенными раз и навсегда [Philosophy in History, 1984. P. 13]. Фактически книга является в некотором роде призывом к аналитическим философам вернуться к более живым, а не целиком аисторическим, формам написания истории философии, к таким, которые наполнены историческим самосознанием. Главная идея в ней направлена на понимание того, как возможны отношения между возможностью чистого, антикварного контекстуализма (представляющего собой видоизмененный историцизм) и полностью внеисторического проблемно-ориентированного подхода в изучении прошлого философии⁴.

После статьи Р. Рорти «Историография философии: четыре жанра» [2001], впервые опубликованной в этом сборнике, в западной традиции принято различать подходы истории философии и истории идей, подчеркивая, что общего между ними только то, что оба они – историческое исследования, но существенно расходятся в методах. В частности, история философии, в отличие от истории идей, не сосредоточена на установлении конкретных концепций или их совокупностей, прослеживая их в конкретные исторические промежутки или у конкретных мыслителей. Ее задача – отразить философскую работу, философское мышление, а это уже подразумевает анализ взаимоотношения и взаимосвязей между концепциями, критическое исследование аргументов, задействованных в построении или обо-

⁴ О контекстуалистской программе см.: [Вольф, 2017. С. 244–248].

сновании этих концепций. Но этот последний подход также зачастую критикуется как аисторичный и слишком философский.

В 1983 г. А. Холланд организовала конференцию по историографии истории философии в Ланкастере, по результатам которой опубликована книга [Philosophy, Its History and Historiography, 1985]. В ней в качестве главной идеи подчеркивается междисциплинарность историко-философской работы, которая показывает, что история философии сегодня переосмысливается во многом за пределами самой философии, средствами других дисциплин – литературоведения, политологии, теологии и др., а значительное число статей в этом сборнике появляется как резонанс на недавно вышедшую к тому моменту книгу [Рорти, 1997] Именно в этом сборнике М. Р. Айерс формулирует задачи историографии философии и ее отличия от истории философии [Ayers, 1985. P. 28]. Можно сказать, что к этому моменту историография (истории) философии состоялась как новая философская дисциплина, которая и позволяет сформулировать, в чем заключается искомый прогресс в философии, не будучи при этом полностью аисторичной и не превращаясь в тривиальный исторический комментарий.

Суть историографии философии можно выразить следующим образом. Философия полна неразрешенных споров, невозможно строго доказать чью-то правоту или неправоту, как это бывает в точных науках. Длительное существование таких споров порождает философские мифы. Историография философии, с точки зрения Айерса, как раз и занимается разработкой и поддержанием таких мифов: какая-либо современная доктрина нуждается в героической фигуре, авторитете, ее подкрепляющем. Именно историография создает миф о такой героической фигуре (будь то Платон, Юм или кто-либо еще), уничтожившей разные путаницы и ошибки, к которым тяготеют предшествующие философы. Именно историография способна продемонстрировать, почему в интеллектуальном плане мы пришли туда, куда пришли, к такому, а не иному набору проблем и решений, который актуален на сегодняшний день. Простым пересказом взглядов Платона в «Софисте» или Юма в «Опытах» такого эффекта добиться невозможно. Из этого следует, что только от историографии философии, от публичной репрезентации ею философа зависит, будут ли его взгляды и аргументы использованы в современных философских дебатах или он будет навсегда забыт, как это бывает с отжившими и устаревшими научными теориями или концепциями. Однако разница очевидна: в науке теории «уходят» естественным об-

разом, не удовлетворяя требованиям наилучшего объяснения фактов или претензиям на истинность, а в философии этот процесс носит риторический характер, в силу произведенного историографией эффекта на аудиторию⁵.

Еще один любопытный образец обсуждения историко-философской методологии представлен в сборнике «Analytic Philosophy and History of Philosophy» [2005]. В 2016 г. на кафедре истории философии философского факультета НГУ прошел ряд семинаров с подробным обсуждением отдельных статей этой книги (автор находился среди инициаторов и участников этого обсуждения).

Преыдуший опыт мы обозначим как апроприационистскую историографию, которая стремится уйти от аисторизма, однако в то же время в определенной мере осовременить историко-философский дискурс, универсализируя проблемы и аргументы, которыми оперируют философы разных эпох. Авторы данного сборника предлагают подход, на их взгляд, в большей мере удовлетворяющий целям и намерениям истории, а именно – контекстуалистский подход. Чтобы уйти от «летописной» или дескриптивной формы написания истории философии, от «внятного» пересказа учений философов прошлого, можно подстраховать текст его собственным контекстом. Аналитическая философия часто осуществляет подмену контекста, извлекая текст или философские концепции из их собственного исторического прошлого и помещая его в контекст современных дискуссий [Рокмор, 2014. С. 74–75]. С точки зрения авторов сборника, подлинная историко-философская работа не отделяет рассмотрение текста от его контекста. Но именно в этом пункте и возникает множество затруднений, в первую очередь связанных с тем, как ограничить или вообще задать контекст для философского текста, что именно следует понимать как релевантный для верного истолкования текста

⁵ Вопрос, что такое «философская аудитория», требует отдельного досконального исследования. Особенно когда она понимается в контексте разного рода убеждающих стратегий и коммуникативных практик, которые невозможны без прогнозирования необходимой реакции целевой аудитории, тем более если мы имеем в виду, что историография конструирует (а не реконструирует) и мифологизирует определенные фигуры, придавая им краеугольное значение в понимании и решении философских проблем. Разница между уровнем признания значения Канта и Гегеля в аналитической и континентальной философии соответственно колоссальна; однако для «универсальной аудитории» (пользуясь термином Х. Перельмана) эти фигуры должны быть равновелики. Означает ли это, что историография опирается на некоторую локальную аудиторию, учитывая ее ценности и веры, что в свою очередь привело бы к невозможности написания никакой другой универсальной истории философии, кроме банальной летописи или хронологии?

контекст. Как только мы задаемся таким вопросом, мы сразу оказываемся на поле историографии, *конструируя* и искусственно ограничивая контекст.

Большинство авторов сборника, предлагая подробное обсуждение контекстуализма, в то же время хорошо осознают его слабые стороны⁶. Поэтому они предлагают не только его перспективы именно для аналитической философии, стремясь показать, почему аналитикам *следует* заниматься историей философии, а не отбрасывать ее, склоняясь к аисторизму или историографии, но и стараются защитить или оправдать этот подход, в частности размежевывая его с историцизмом. С другой стороны, многие авторы сборника, отстаивая ценность исторических оснований контекстуализма, не слишком вникали в то, что же именно делают аналитические философы, когда все-таки обращаются к истории, и в чем ценность и эвристичность аисторических или апроприационистских методов. «Аналитический философ» для авторов сборника – это некоторый идеальный тип, который говорит только от себя, в принципе не учитывая историческую перспективу. Вступая в дискуссию с ним, авторы, однако, подводят читателя к мысли, что мы все, имеющие отношение к истории философии, делаем что-то не так, и пытаются разобраться, каким должен быть именно философский инструментарий исследования прошлого. Таким образом, книга стимулирует нас на следующий шаг. Историцизм суть противоположный полюс аисторизма, со своими ограничениями и опасностями. Вероятно, оптимальный вариант историко-философского исследования мог бы оказаться там, где сойдутся интересы сторонников апроприационизма и контекстуализма, если те будут равноудалены от обозначенных полюсов.

Своеобразный итог этому обновлению истории философии за последние сорок лет подводит издание «Philosophy and Its History...» [2013]. Своей задачей его авторы видят осмысление целей и методов истории ранней современной философии. Здесь можно указать на одну характерную особенность всего направления, обсуждающего методы истории философии. Его представители – это прежде всего те исследователи, чьи интересы сосредоточены на событиях XVII–

⁶ В статье [Вольф, 2017. С. 245–249] мы обсуждали относительно подробно позицию И. Ш. Зарки, который наглядно обрисовал слабые стороны и опасности контекстуализма.

Также отметим, что наиболее яркими представителями контекстуализма являются сторонники «истории понятий» (среди которых Р. Козеллек, Кв. Скиннер, Дж. Покок), для которых суть определенных понятий становится прозрачной только при размещении их в социокультурный или политический контекст эпохи.

XIX вв., т. е. на том периоде, когда формулировались многие проблемы и категории так называемой «современной» философии. Для них характерна установка на понимание того, как мы вообще пришли к этим проблемам, и установление непосредственного преемства между прошлым и современностью.

Во введении редакторы настаивают на различии проблемно-ориентированной истории философии, которая тщательно изучает прошлые тексты или готовые аргументы для использования в решении современных философских проблем, что характерно для современного состояния этой дисциплины, от откровенно антикварной контекстуалистской истории философии, которая исследует тексты прошлого для своего собственного блага без учета интересов современной философии. Ситуация, в которой оказались историки философии сегодня, – это их собственная Сцилла и Харибда: их действия либо не соответствуют целям и намерениям философии (удовлетворяя интересы только историков или филологов), либо изолируют их от актуальных социальных или культурных запросов [Philosophy and Its History..., 2013. P. 2]. Авторы и редакторы сборника видят проход между этими Сциллой и Харибдой, вернее, третий подход, который, возможно, способен снять напряжение между сторонниками двух направлений. Это континентальная философия и присущий ей диалектический метод. Как указывают редакторы в предисловии, диалектики не согласны с контекстуалистами, что философы прошлого должны «говорить за себя», поскольку вряд ли мы в состоянии их услышать и понять независимо от наших интересов и философского бэкграунда, и тем самым разделяют аргументы Р. Рорти и М. Айерса. Но они также не согласны и с апроприационистами, интерес к прошлому для которых ограничен только поиском вневременных хороших аргументов [Ibid. P. 3]. Задача диалектиков – построить такую картину прошлого, чтобы она одновременно была и чувствительна к прошлому, и стремилась преодолеть свои исторические ограничения. Однако здесь также есть очевидная опасность впасть в историографию или начать «говорить от себя», поскольку прошлое оказывается также только средством понять свой собственный жизненный мир.

Из нашего обзора становится ясно, что историки философии все еще далеки от идеального метода исследования. Более того, существует значительный раскол между запросом студентов (вообще изучающих философию) и профессионалов на философию и ее историю: первые по-прежнему требуют перечня имен и внятной хронологии,

тогда как профессиональная область явно отошла от такого принципа организации философского знания. Сегодня, по крайней мере, профессионалы уже не видят философию как задокументированную деятельность отдельных *великих* философов, порой им даже трудно провести различия между великими и популярными фигурами. Актуальная история философии обращена на противостояние «измов», например, в прагматистской литературе – противостояние объективизма, релятивизма, фундаментализма и т. д., или борьбу направлений (континентального и аналитического), или процесс становления определенных идеологий (феминизм), или трансформацию тех или иных *понятий*. Иначе говоря, принципиально изменился масштаб величин историко-философского знания, философия обрела иной *контекст*, этот контекст явно требует дополнительного конструирования в отношении прошлого (философы прошлого не называли себя релятивистами или фундаменталистами), но отказаться от прошлого – значит отказаться от собственного самосознания. Наверное, трудно сказать, какой станет история философии в ближайшие десятилетия, но легко видеть, что никогда она настолько не сближалась с философией, и легко предсказать, что к жанру тривиального исторического самописания она вряд ли вернется.

Список литературы

Вольф М. Н. Современные дискуссии об истории философии: противостояние текста и контекста // Сиб. филос. журн. 2017. Т. 15, № 3. С. 237–257.

Звиревич В. Т. Историография истории философии как вспомогательная историко-философская дисциплина. Лекция // Изв. Уральского федерального ун-та. Серия 3: Общественные науки. 2012. № 4 (109). С. 166–175.

Рокмор Т. Заметки об истории философии и ее отношении к философскому «духу времени» (Zeitgeist) // История философии: вызовы XXI века / Под ред. Н. В. Мотрошиловой. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 64–79.

Рорти Р. Историография философии: четыре жанра // Джохадзе И. Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти. М.: УРСС, 2001. С. 180–198.

Рорти Р. Философия и зеркало природы / Пер. с англ. В. В. Целищева. Новосибирск, 1997.

Скиннер К. Идея негативной свободы: философские и исторические перспективы // Логос. 2013. № 2 (92). С. 155–186.

Тэйлор Ч. Философия и ее история // История философии. 2001. № 8. С. 78–95.

Analytic Philosophy and History of Philosophy (Mind Association Occasional Series) / Eds. T. Sorell, G. A. J. Rogers. Oxford, 2005.

Ayers M. R. «The end of Metaphysics» and the historiography of philosophy // Philosophy, its history and historiography / Ed. by A. J. Holland. Dordrecht, 1985. P. 27–40.

Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy / Eds. M. Lærke, J. E. H. Smith, E. Schliesser. Oxford Univ. Press, 2013.

Philosophy in History / Eds. R. Rorty, J. B. Schneewind, Q. Skinner. Cambridge, 1984.

Philosophy, Its History and Historiography / Ed. by A. J. Holland. Dordrecht, 1985.

Материал поступил в редколлегию 12.03.2018

M. N. Volf

*Institute of Philosophy and Law, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

rina.volf@gmail.com

HISTORIOGRAPHY OF THE HISTORY OF PHILOSOPHY AS A MODUS OF THE ANALYTIC HISTORY OF PHILOSOPHY

The concepts of the history of philosophy, the historiography of philosophy or of the history of philosophy, as well as the philosophy of the history of philosophy, are often interchangeable. In the analytic tradition the historiography of the history of philosophy has its own meaning. It originated on the basis of analytic philosophy, and was a reflection on its significance and contribution to philosophy, hereby it revised its ahistorical attitudes towards philosophy and its history in favor of appropriationism. According to the latter, historiography constructs doctrines and puts the importance of a philosopher in direct dependence on his public representation, while remaining itself too philosophical and ahistorical. At first sight, contextualism and the continental dialectical

approach help to overcome these difficulties, but these approaches are also subject to appropriationalist historiography. Thus it is concluded that appropriationalist historiography is one of the modes of the history of philosophy.

Keywords: history of philosophy, methodology, historiography of the history of philosophy, approaches, historicism, contextualism, appropriationism, context, analytic philosophy, continental philosophy.

References

Analytic Philosophy and History of Philosophy (Mind Association Occasional Series). Tom Sorell, G. A. J. Rogers (eds.). Oxford, 2005.

Ayers M. R. «The end of Metaphysics» and the historiography of philosophy. *Philosophy, its history and historiography*. A. J. Holland (ed.). Dordrecht, 1985, p. 27–40.

Philosophy its History and Historiography. A. J. Holland (ed.). Dordrecht, 1985.

Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy. M. Lærke, J. E. H. Smith, E. Schliesser (eds.). Oxford Univ. Press, 2013.

Philosophy in History. R. Rorty, J. B. Schneewind, Q. Skinner (eds.). Cambridge, 1984.

Rockmore T. Zametki ob istorii filosofii i ee otnoshenii k filosofskomu «dukhu vremeni» (Zeitgeist) [Notes on the history of philosophy and its relation to the philosophical «spirit of the time» (Zeitgeist)]. *Istoriya filosofii: vyzovy XXI veka* [History of Philosophy: Challenges of the 21st Century]. N. V. Motroshilova (ed.). Moscow, Kanon+ ROOI Reabilitatsiia, 2014, p. 64–79. (In Russ.)

Rorty R. Istoriofografiya filosofii: chetyre zhanra [The Historiography of Philosophy: Four Genres]. *Dzhokhadze I. D. Neopragmatizm Richarda Rorti* [Neopragmatism of Richard Rorty]. Moscow, URSS, 2001, p. 180–198. (In Russ.)

Rorty R. *Philosophy and Mirror of Nature*. Novosibirsk, 1997 (In Russ.)

Skinner Q. The idea of negative liberty: philosophical and historical perspectives. *Logos*, 2013, no 2 (92), p. 155–186. (In Russ.)

Taylor Ch. Philosophy and its history. *History of Philosophy*, 2001, no. 8, p. 78–95. (In Russ.)

Volf M. N. Sovremennye diskussii ob istorii filosofii: protivostoyanie teksta i konteksta [Contemporary debates about the history of philosophy: the tug-of-war between text and context]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2017, vol. 15, no. 3, p. 237–257. (In Russ.)

Zvirevich V. T. Istoriografiya istorii filosofii kak vspomogatelnaya istoriko-filosofskaya distsiplina. Lekciya. *Bulletin of the Ural Federal University*. Series 3, social sciences, 2012, no. 4 (109), p. 166–175. (In Russ.)